

Росс начал своё наступление на нежную шею Эйприл, его губы касались её мягкой кожи с дразнящей нежностью, которая быстро переросла в собственнический голод.

Он осыпал поцелуями изгиб её горла, прежде чем прильнуть к нежной плоти, поначалу лишь мягко посасывая кожу.

Каждый оставленный им укус был намеренным: зубы слегка задевали кожу, оставляя едва заметные следы, в то время как губы вырисовывали глубокие алые отметины.

Сочетание нежных укусов и посасывания вскоре покрыло бледную кожу Эйприл коллажем страсти — видимым доказательством доминирования Росса и её покорности моменту.

Эйприл, чистая и нетронутая, всегда тщательно заботилась о себе.

Её кожа была безупречной, а естественный аромат — чистый, сладкий и уникально её — завораживал.

Она никогда не пользовалась духами или искусственными ароматами; ей это было не нужно.

Слабый аромат её природной красоты в сочетании с теплом кожи притягивал Росса, словно хищника, сосредоточившегося на добыче.

Джулиан всегда был прав, когда говорил, что его девушка Эйприл пахнет абсолютно божественно.

Росс наклонился ближе, глубоко вдыхая, первобытная потребность внутри него становилась неконтролируемой.

Её нетронутый, опьяняющий аромат заполнял его чувства, доводя до грани безумия.

Его возбуждение, уже болезненно твердое, становилось почти невыносимым. Казалось, сама её суть вызвала к чему-то глубокому и первобытному в его душе.

Напряжение в брюках стало слишком сильным, чтобы его игнорировать.

Внушительный размер его массивного, пульсирующего члена — пугающие 15 дюймов неукротимой страсти — болезненно давил на ткань, требуя свободы.

Дискомфорт сводил с ума, и у Росса не было выбора, кроме как освободить себя.

Одним быстрым, уверенным движением он стянул брюки вместе с боксерами, не теряя плавности и самообладания.

Как только оковы исчезли, его огромный член вырвался на свободу — тяжелый, налитый кровью и готовый к действию.

Вес его возбуждения, чистая величина и мощь, были почти ошеломляющими, отбрасывая доминирующую тень на момент.

Освободившись от оков одежды, Росс вернулся к своему пиршеству с новой энергией.

Его губы снова нашли шею Эйприл, язык обводил оставленные отметины, словно вновь завладевая ею.

Он целовал и покусывал её ключицу, пока руки блуждали по дрожащему телу, исследуя каждый дюйм, до которого он еще не успел добраться.

Дыхание Эйприл прерывалось при каждом прикосновении, тело отзывалось, несмотря на смятение в разуме.

Она была ошеломлена ощущениями, не в силах осмыслить электрические покалывания, пронизывающие её.

Движения Росса были расчетливыми, но в то же время инстинктивными, словно у хищника, смакующего свою добычу.

Его губы и язык работали в идеальной гармонии, обеспечивая, чтобы каждое прикосновение, каждый поцелуй и каждый укус посылали дрожь по позвоночнику Эйприл.

Он был тщателен, убеждаясь, что ни одна часть её тела не останется без внимания.

Его руки скользили вниз по бокам, ощущая изгиб талии и бёдер, пока он продолжал прижимать губы к коже, помечая её как свою.

Каждый миг был наполнен преднамеренной интенсивностью; его действия были призваны сокрушить любые барьеры сопротивления, которые могли у неё остаться.

Он хотел, чтобы она чувствовала только его, утонула в ощущениях, которые он создавал, и полностью потерялась в моменте.

Когда он прижался к ней, жар его обнажённой кожи к её, твёрдость возбуждения, задевающая бедро, дыхание Эйприл участилось.

Каждое волокно её существа покалывало под прикосновениями, комната наполнилась почти удушающим напряжением.

Уверенность Росса росла с каждой дрожью, которую он вызывал, с каждым мягким вздохом с её губ.

Его ухмылка стала шире, хищник в нем окончательно пробудился. Он продолжал свой пир, полный решимости довести Эйприл до пика наслаждения и сделать так, чтобы она никогда не забыла ни этот миг, ни мужчину, столь полностью завладевшего ею.

.

..

...

— Что происходит? — прошептала Эйприл дрожащим голосом, едва слышным из-за грома её сердца.

Её разум был в хаосе, пойманный в водоворот смятения и паники.

Впервые в жизни она познала странное и нежеланное чувство — ощущение того, что её ценят и желают, но так, что это делало её уязвимой и совершенно беспомощной.

Тело предавало её, посылая покалывающие разряды незнакомого удовольствия по венам.

Она зажмурилась, отчаянно пытаясь изгнать ощущения, вернуть контроль над телом и разумом.

Но чем больше она сопротивлялась, тем сильнее становились чувства, полностью подавляя её.

Когда она наконец открыла глаза, сцена перед ней наполнила ужасом.

Рубашка и лифчик были расстегнуты, оставив её обнаженной и беззащитной, какой она не была никогда прежде.

Ужас сковал её, когда она осознала, что его губы уже на её груди, ласкают кожу с благоговением и жадностью.

Он целовал мягкую кожу, спускаясь, пока рот не нашёл одну из нетронутых, чувствительных вершин.

Его губы обхватили сосок, посасывая с такой силой, что она содрогнулась, в то время как свободная рука сжимала и мяла вторую грудь — его хватка была крепкой и расчетливой.

Разум Эйприл кричал сопротивляться, но тело замерло под его ласками.

Смесь страха, стыда и незнакомых ощущений оставила её парализованной.

Его голод по ней был неоспорим, подпитываемый почти первобытной потребностью.

Зрелище того, как он пожирает её, словно изголодавшийся по женскому телу зверь, перевернуло что-то глубоко внутри неё — что-то, чего она не понимала и не хотела признавать.

— Джулиан! Помоги! — внезапно закричала она, голос взвился в отчаянии. Она лихорадочно повернула голову, ища парня, свою единственную надежду.

Когда взгляд упал на него, сердце сжалось от боли. Джулиан боролся на полу, движения слабыми и неуверенными.

— Стой! Ты, чертов зверь! — хрипло закричал Джулиан, его голос дрожал от ярости и бессилия. Он волочил себя вперед на локтях, обдирая колени о пол, стараясь хоть на сантиметр приблизиться к кровати.

Голова кружилась, зрение затуманилось, жгучая боль от пощёчины Брэндона всё ещё отдавалась в черепе.

И всё же он отказывался останавливаться. Любовь к Эйприл горела ярче агонии, побуждая двигаться с почти невозможной решимостью.

Каждый сантиметр казался победой, но этого было недостаточно.

Кровать, где Эйприл лежала в ловушке, уязвимая перед нависшим хищником, всё ещё казалась мучительно далёкой.

Джулиан стиснул зубы, заставляя тело двигаться быстрее, но головокружение и слабость замедляли.

— Не смей её трогать! — заревел он снова, голос дрожал от ярости и отчаяния.

Звук криков заполнил комнату, но хищник не дрогнул.

Вместо этого он лишь ухмыльнулся стараниям Джулиана; его спокойная уверенность была издевкой над отчаянием поверженного врага.

Глаза Эйприл наполнились слезами, пока она смотрела на борьбу Джулиана. Сердце разрывалось при виде его избитого тела и непреклонной решимости.

И всё же она знала в глубине души, что он не успеет.

Мужчина над ней был слишком силен, слишком властен, и её тело, вопреки протестам разума, предавало её всё сильнее с каждой секундой.

— Джулиан... — слабо прошептала она, мольба сорвалась с губ, слёзы пролились.

Она не знала, что ранит сильнее — нарушение тела или беспомощность любимого.

В любом случае она чувствовала, как погружается в отчаяние, пойманная в кошмар, из которого не могла вырваться.

<http://erolate.org/book/767/89767>